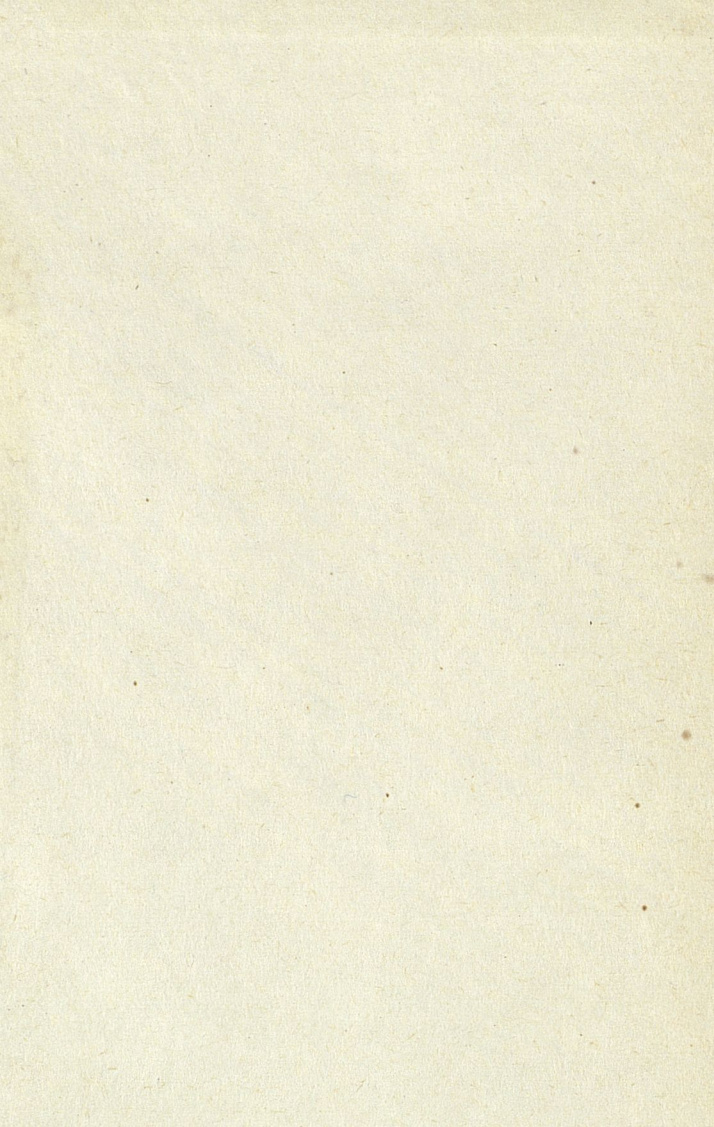

V $\frac{116}{1542}$

ЗОЛОТЫЯ РѢЧКИ.

Очеркъ К. Д. Носилова.

ЗОЛОТЫЯ РѢЧКИ.

ОЧЕРКЪ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ.

К. Д. НОСИЛОВА.

„ПРОТАЛИНКА“.

Москва. — 1915.
Типографія К. Л. Меньшова.
Арбатъ, Никольскій, 21.

2007084136

З О Л О Т Ы Я Р Ъ Ч К И .

ЗОЛОТЫЯ РѢЧКИ.

Очеркъ золотопромышленности.

Громадный высокій Уральскій хребетъ, вставшій на рубежѣ Европы и Азіи, протянувшійся на тысячи верстъ поперекъ нашей Россіи, весь, начиная съ самаго его водораздѣла и кончая самыми дальними отрогами горъ, испещренъ многочисленными ручьями, горными рѣчками, изъ которыхъ каждая можетъ быть названа золотою рѣчкой.

А золотой рѣчкой должна быть названа потому, что на каждой изъ нихъ есть золото въ томъ или другомъ количествѣ то въ видѣ мелкаго золотого песка, то въ видѣ самородковъ, то-есть, камешковъ, то въ видѣ золотоносныхъ жилъ, въ видѣ бѣлаго ноздреватаго, съ вкрапленными блестками золота, камня. Тамъ, гдѣ много этого разсыпного и руднаго золота—оно добывается золотопромышленниками; но болѣе всего оно

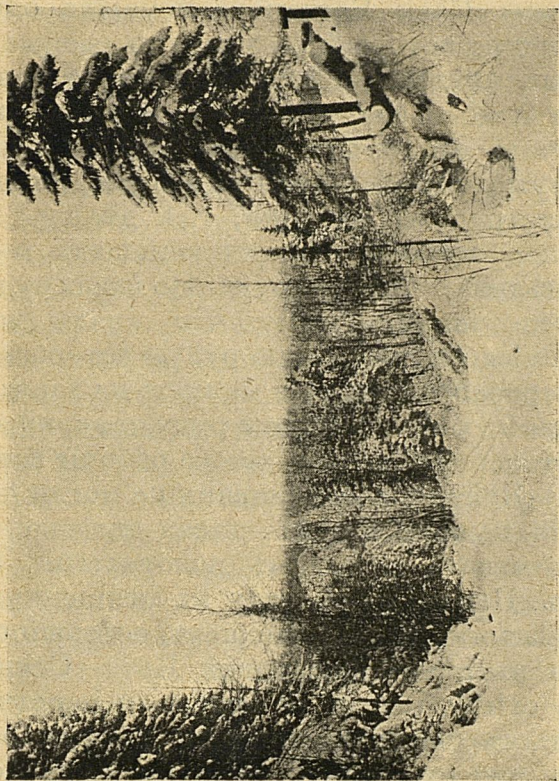
еще лежить, нетронутое рукой и лопатой человека, въ нѣдрахъ земли, какъ бы сохраняясь для обогащенія человечества.

Эти горы, эти рѣчки золотыя—наше національное русское имущество, нашъ золотой запасъ на случай нужды и вмѣстѣ съ тѣмъ—наше богатство.

Преданіе говоритъ, что золото на Уралѣ открыла одна молоденькая дѣвочка, по имени Катя Богданова, всего 100 лѣтъ тому назадъ, на рѣкѣ Мельковкѣ, въ Верхъ-Нейвинскомъ заводѣ Урала.

Какъ-то пронеслась страшная гроза съ сильнымъ ливнемъ надъ Ураломъ, рѣчки быстро вышли изъ береговъ, какъ всегда это бываетъ въ горныхъ странахъ, послѣ сильнаго и продолжительнаго дождя и, когда схлынула вода, и прошло наводненіе въ рѣкѣ Мельковкѣ, которая протекала по этому заводу, маленькія дѣти съ восторгомъ бросились на берега ея и на самое мелкое русло ея, чтобы тамъ поискать „самоцвѣтовъ“.

„Самоцвѣтами“ на Уралѣ называются разные недорогіе, но все же цѣнные камни, какъ: топазы, аметисты, аквамарины, хризолиты, горный хрусталь и яшма разноцвѣтная и другіе камешки. Ихъ во множествѣ вымываютъ наводненія изъ нѣдръ земли и, послѣ каждого такого наводненія, дѣ-

Золотая рѣчка Шайтанка зимой.

ти охотно бродятъ по такимъ рѣкамъ и отыскиваютъ ихъ, и любятъ ими.

Вотъ въ поискахъ этихъ-то „самоцвѣтовъ“ однажды Катя Богданова и нашла одинъ камешекъ, который ее удивилъ своимъ золотымъ цвѣтомъ. Какъ рѣдкость, она принесла и показала его своей матери, и та положила его на божничку свою, въ ожиданіи мужа. Приходитъ отецъ Кати Богдановой съ работы фабрики, гдѣ дѣлалъ онъ желѣзо, ему показываютъ камешекъ, и онъ опредѣлилъ, что это—руда. Но какая руда—онъ не зналъ, потому что зналъ только желѣзную и мѣдную руду, которыя тогда перерабатывали въ металлъ на заводахъ Урала. Онъ показалъ эту руду товарищамъ, но и товарищи его—такіе-же рабочіе завода Верхъ-Нейвинскаго—никакъ не могли догадаться, какая это руда—такая тяжелая, металлическая, съ такимъ золотистымъ блескомъ. Надумали сходить къ священнику и показать ему этотъ камешекъ, который отыскала въ рѣчкѣ Мельковкѣ Катя. Священникъ сличилъ этотъ камешекъ съ перстнемъ золотымъ своей матушки и увѣрилъ рабочихъ, что это золотой камень-самородокъ.

На Уральскомъ хребтѣ еще до этого времени не слыхали о золотѣ, и вѣсть эта живо донеслась до управляющаго заводами, который на другое же утро рано потребо-

валъ къ себѣ Катю Богданову съ находкой.

Но не счастье, а горе принесла Катѣ Богдановой эта ея находка, и какъ только она подала изъ рученки своей этотъ золотистый камень управляющему, какъ только убѣдился онъ по блеску и вѣсу тяжелому, что это дѣйствительно золото, онъ тотчасъ же приказалъ наказать дѣвочку розгами и наказать ей, чтобы она не шлялась по рѣчкамъ. Говорятъ, онъ испугался находки этой дѣвочки и нарочно скрылъ ее, чтобы вѣсть не разнеслась по Уралу объ открытіи золота, и чтобы заводы его, гдѣ онъ былъ управляющимъ, не отобрала съ этимъ скрытымъ богатствомъ казна. Но ни розги, ни гнѣвъ управляющаго, настрого приказавшаго молчать объ этомъ событіи, не удержали этой тайны земли, и вѣсть, что на Уралѣ открыто золото, пронеслась по всему Уралу горнозаводскому, и люди стали присматриваться къ рѣчушкамъ своимъ и скоро стали находить почти повсюду золотые самородки.

Черезъ 4 года на Уралѣ уже добывали золото; скоро стали его добывать и на рѣчкѣ Мельковкѣ, и тайны нѣдръ уральскихъ горъ были открыты.

Въ томъ-же Верхъ-Нейвинскомъ заводѣ, гдѣ открыто это первое золото, добыто зо-

лота до 4000 пудовъ, и имя Кати Богдановой, такъ печально пострадавшей за это открытіе, воспоминается и благословляется десятками тысячъ рабочихъ уральскихъ приисковъ, которые добычей этого золота существуютъ уже сотню лѣтъ, питаюсь и даже обогащаясь.

Теперь это—самое обычное занятіе на Уральскомъ хребтѣ на тысячи верстъ разстоянія, и Уралъ даетъ ежегодно сотни пудовъ золота, на цѣлые миллионы.

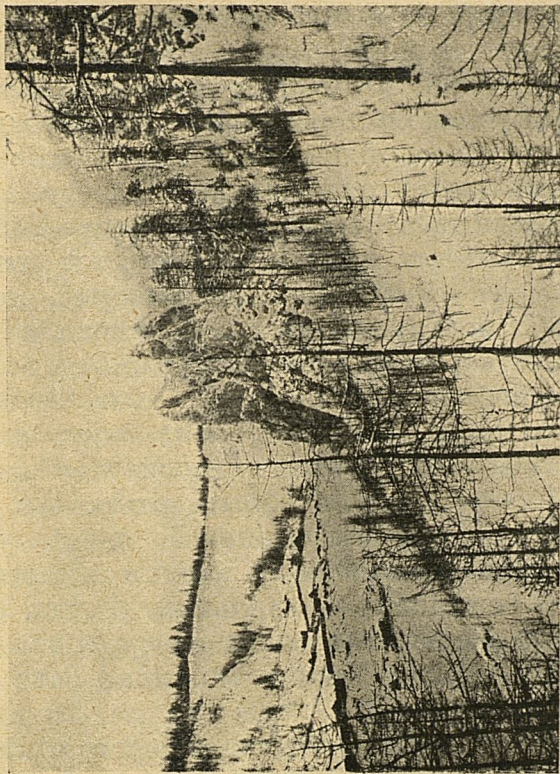
* * *

Это золото добывается самыми разнообразными способами и самыми разнообразными людьми, начиная отъ бѣдныхъ старателей, золотоискателей и кончая богатыми товариществами, обществами, имѣющими дорогія и сложныя машины.

Вотъ съ этимъ-то золотымъ промысломъ я и хочу познакомить кратко читателя, такъ какъ бываю во время своихъ путешествій на многихъ золотыхъ приискахъ его и даже лично добывалъ это золото изъ нѣдръ родного мнѣ Урала.

Эти поѣздки по Уралу—самыя лучшія мои воспоминанія, чуть не съ самаго юношества.

Какъ сейчасъ, помню мои первыя впечатлѣнія, когда я въ первый разъ, проѣз-

Рѣка Ивдель зимой.

жая, пересѣкая Уралъ, увидалъ добычу золота какими-то старателями, рывшимися у самага нашего сибирскаго тракта.

Не знаю, не помню уже, гдѣ это было, на какой станціи, но только я страшно заинтересовался людьми, которые рылись въ одномъ ручьѣ и что-то копошились около самой рѣчушки. Съ дороги видны были только: кучи красноватой, вырытой земли, камешки которой блестѣли на солнцѣ, да еще мутная, такая желтоватая, вода, которая большимъ ручьемъ неслась со стороны этихъ кучъ подъ самый нашъ дорожный, деревянный мостикъ. Когда мы спросили ямщика, онъ равнодушно намъ отвѣтилъ, что „тутъ добываютъ золото“. Этотъ отвѣтъ, помню, даже поразилъ меня, какъ поразила вся эта картина своей необычайной простотою и первобытностью. Мы попросили остановить лошадей, и всѣ гурьбой, сколько насъ было юныхъ воспитанниковъ семинаріи,—отправились туда, гдѣ, намъ казалось, совершалась чудесная работа по добычѣ такого металла, какъ золото.

Но нашъ осмотръ этого золотого прииска и всѣхъ его достопримѣчательностей только удивилъ рабочихъ. И рабочіе — какая-то бѣдная семья заводская, состоявшая изъ двухъ мужиковъ, парня молоденькаго и

пары дѣвушекъ и женщинъ, кажется, еще болѣе насъ заинтересовалась нашимъ любопытствомъ, и съ такой радостью, остановивъ работы, показала, гдѣ и какъ добывается золото, что мы не знали, какъ ихъ за это радушіе благодарить.

Они водили насъ и все показывали „вотъ это ямы, гдѣ мы докапываемся до золотого песка“,—говорили намъ наши провожатые, поясняя намъ, что они называются шурфами, „вотъ это песокъ золотой“, показывали они намъ, беря горсть песчаной, глинистой съ камешками земли ржаваго цвѣта, „вотъ это вашгертъ нашъ—машина наша, на которой мы промываемъ этотъ песокъ“,—указывали они на какой-то деревянный, сбитый изъ свѣжихъ досокъ, покатый ящичекъ съ перегородками, на верху котораго была дыроватая, желѣзная, толстая доска, „вотъ это самое золото“—показывали они вынутый изъ шароваръ грязноватый сверточекъ бумажки сѣрой, въ видѣ пакетика свернутой, гдѣ мы въ первый разъ въ жизни своей увидали мелкій золотой песокъ, какой ранѣе видѣли только въ видѣ слюды, въ песочницахъ, для посыпки исписанной бумаги. И все это: и ямы глубокія, въ которыхъ съ лопатами рылись мужики, и тачки грязныя, въ которыхъ возили этотъ золотиносный песокъ на вашгертъ дѣвушки и жен-

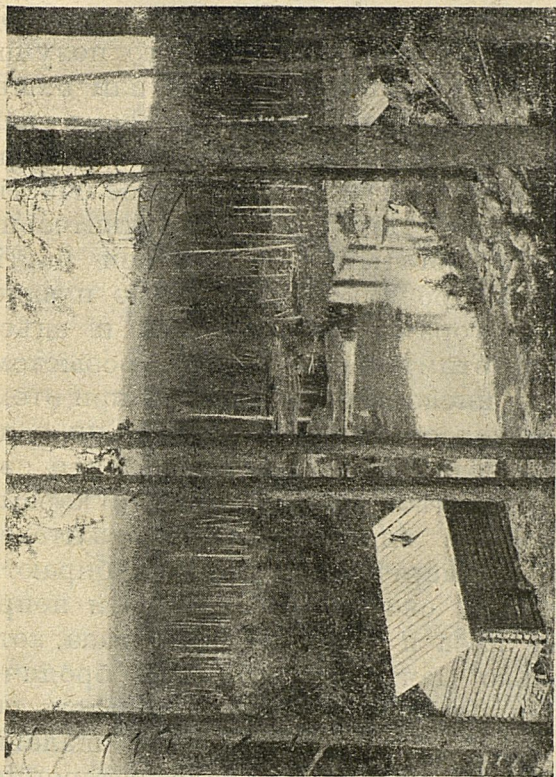
щины, и самый вашгертъ этотъ — золото-промывальная машина ихняя; и самая промывка золота, когда на этотъ песокъ лился потокъ воды, и гальки передвигались по рѣшеткѣ желѣзными лопатами, и эта мутная вода, бѣгущая съ землей и глиною, и гальки, и этотъ золотистый такой, тяжело-вѣсный песокъ, — само золото, — все это показалось намъ настолько любопытнымъ зрѣлищемъ, что мы его до настоящаго времени помнимъ.

Мы всю дорогу говорили потомъ объ этомъ золотѣ и, глядя на Уралъ, съ его огромными горами, съ его глубокими долинами, съ его многочисленными рѣчками и ручьями, бѣгущими съ этихъ горъ, мы думали: „сколько золота таится еще тутъ по этимъ рѣчкамъ золотымъ, и какъ богаты неисчислимо эти высокія каменистыя горы, изъ которыхъ эти рѣчки вымываютъ золото для человѣка“.

Послѣ уже, будучи путешественникомъ, я познакомился съ настоящими золотоискателями Урала — „старателями“, разыскивающими это золото по рѣчкамъ, дѣлающими цѣлыя открытія его въ неизвѣстныхъ мѣстахъ, піонерами этого дѣла на Сѣверномъ Уралѣ.

Золотой пріискъ на Уралѣ лѣтомъ.

Есть такіе люди на Уралѣ, которые, будучи рабочими горныхъ заводовъ или просто даже мѣстными крестьянами-хлѣбородами, которые, заразившись мыслью разбогатѣть или добыть себѣ немного лучше существованіе, чѣмъ у горна или пашни съ сохою, особенно при суровомъ климатѣ Урала, чуть не сызмалѣтства бродятъ по лѣсамъ его и ищутъ свое счастье, копая землю. Найдутъ, — дѣйствительно, становятся богатыми; но большей частію весь вѣкъ бродятъ съ весны до поздней осени по горамъ, роютъ тамъ и здѣсь, увлекаясь этимъ заманчивымъ розыскомъ золота, и нисколько не жалѣютъ при этомъ ни о семьяхъ своихъ брошенныхъ, ни о домахъ, ни объ уютѣ домашнемъ, ни о свѣжѣмъ кускѣ хлѣба, довольствуясь сухарями.

Это особый видъ уральскихъ жителей, которые въ мартѣ мѣсяцѣ уже собираются изъ жилыхъ своихъ мѣстъ въ эти непроходимые лѣса и чащи дикаго Урала, которые только мечтаютъ объ этой бродячей жизни съ однимъ кайломъ и лопатою, объ этихъ лѣтовкахъ гдѣ-нибудь въ шалашѣ, подъ самымъ хребтомъ Урала, затерянные и часто одинокіе, но съ вѣрой въ свое счастье.

Они, какъ птица дикая, весной, не могутъ усидѣть въ тепломъ своемъ мѣстѣ и,

какъ только покажутся ручьи, загремятъ рѣчки горныя шумливыя, пойдутъ снѣга съ этихъ высокихъ горъ, уже стремятся въ эти горы высокія, чтобы тамъ снова попытать свое счастье. И уходятъ туда далеко отъ дорогъ и жилого селенія маленькими партіями, унося или на спинѣ своей или— въ особыхъ легкихъ саночкахъ провизію мѣшками цѣлыми, на цѣлое долгое лѣто. Съ собою у нихъ ровно ничего кромѣ ружья, огнива маленькаго въ видѣ кремня, тоже уральскаго и стальной скобы, кромѣ толкна, сухарей и чая съ сахаромъ и ломовъ, кайлъ и лопать съ маленькимъ вашгертомъ, а то-и безъ этой необходимой, золотопромывальной машинки. которую замѣняютъ еще болѣе простымъ образомъ, Да еще неизмѣнный громаднѣйшій желѣзный ковшъ да котелокъ за опояскою, безъ которыхъ нигдѣ нельзя на Уралѣ найти золото человѣку. Вотъ и все снаряженіе старателя, какъ зовутъ этихъ людей и величаютъ.

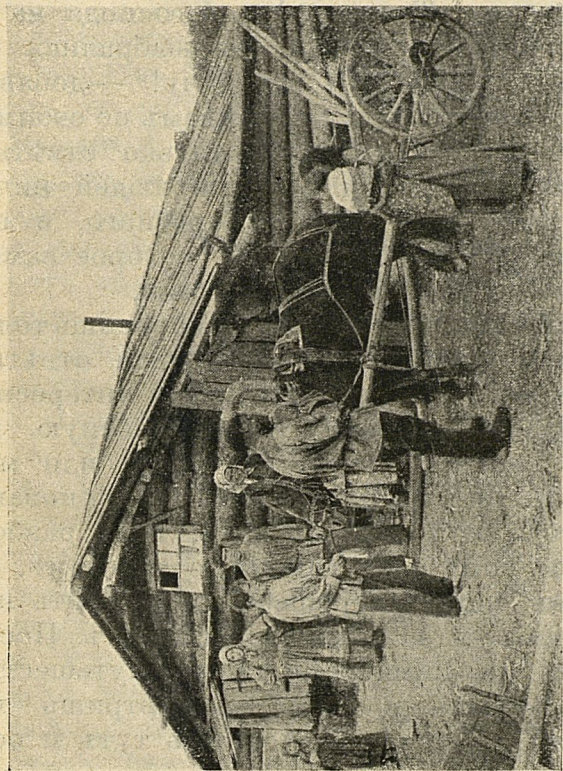
Сколько разъ я неожиданно встрѣчалъ этихъ людей въ горахъ, путешествуя по Уралу: наткнешься на рѣчку какую мутную, горную—знай впередъ, что въ вершинѣ ея роются люди.

Станешь тихонько подвигаться по рѣчкѣ такой и услышишь сначала обоняніемъ далекаго дымокъ, а потомъ—и говоръ человѣка

или лай собаки. Какая-нибудь несчастная хижинка безъ крыши и стѣнокъ, на самомъ берегу рѣчушки съ золотомъ, кругомъ страшный непроходимый, сосновый и еловый, высокій первобытный лѣсъ, и вершины горъ также съ однѣми лѣсными пиками, и у рѣчки разрѣзъ въ видѣ канавы узенькой, и тамъ копошатся въ грязи и въ водѣ люди. На нихъ нѣтъ лица почти человѣческаго: — загорѣлые всѣ, обросшіе бородами и усами, съ всклокоченными, нечесанными вихрами, въ грязной одеждѣ, но съ такою при этомъ радостью на лицѣ, что при первомъ взглядѣ на нихъ видишь, что они счастливы и довольны.

„Богъ помощь, товарищи!“ — привѣтствуешь ихъ, подойдя къ самому, бывало, разрѣзу земли, они только покачиваютъ своими головами мохнатыми и, смѣясь, отвѣчаютъ: „Милости просимъ! милости просимъ! дорогіе гости къ намъ на золото — разрѣшите на ваше счастье?“ И они охотно вывезутъ тачечку — двѣ или болѣе на ваше счастье и промочатъ ихъ, вѣря въ душѣ, что вамъ выпадетъ самородокъ. Но, увы, самородка нѣтъ на ваше счастье, и они васъ ведутъ къ себѣ, въ избушечку, угощать на свиданіи чаемъ.

„Какъ вы живете тутъ?“ — спросишь, удивившись только ихъ бѣдной, бѣдной обста-

Старатели и их хижины на Уралѣ.

новкѣ среди голыхъ прокопченныхъ стѣнъ отъ открытаго очага избушки. „А что, развѣ худо у насъ? Самая что-ни-на-есть дачная обстановка! Теперь лѣто -- господа на дачахъ живутъ, вотъ и мы выбрались изъ деревни душной на эту дачу!“ — добавятъ и захохочутъ. „Не скучно вамъ по своимъ?“ „Есть когда скучать!“ — только отвѣтятъ. И видишь, что для этихъ людей ничего уже нѣтъ въ свѣтѣ интереснаго, и весь интересъ ихъ—въ золотѣ, которое замыто здѣсь, въ этой рѣчкѣ—вѣками.

„Ну, какъ ваше золото?“—спросишь только о немъ, и они рады-радехоньки отвѣтить. И все расскажутъ, что есть интереснаго про рѣчку эту самую золотиносную, и у нихъ, если и нѣтъ еще золота или мало его, но зато много надеждъ и упованій. „Погодите, вотъ услышите, какъ разбогатеѣмъ, дома себѣ каменные заведемъ, рысаковъ, винцо хорошее будемъ пить и за ужиномъ, и за обѣдомъ“! скажутъ. Посмѣешься съ ними до-сыта въ путешествіи, переночуешь у нихъ, вымотришь все, и такъ, съ надеждою — ихъ тутъ и оставишь.

И въ большинствѣ случаевъ только эта надежда, и достается имъ на долю. Бываютъ случаи, что, дѣйствительно, старатели отыщутъ богатое золото, но добыть

его никакъ изъ земли не могутъ,—нужны деньги для этого громадныя, и пріискъ идетъ какому - нибудь золотопромышленнику, и тотъ богатѣетъ на томъ золотѣ, про которое они только мечтали. А если и найдутъ богатое золото, если и добудутъ его, то пропьютъ въ первомъ-же питейномъ заведеніи, и выдадутъ, пьяные, тайну. А выдалъ тайну „старатель“ свою—не считай уже золото своей собственностью; живо нагрянуть золотопромышленники, наставятъ кругомъ заявочныхъ столбовъ и возьмутъ у казны эту золотую рѣчку.

Ничего! Но зато сколько рассказовъ про рѣчки эти золотыя у этихъ людей, сколько воспоминаній о лѣтовкахъ на дикомъ, лѣсистомъ, пустынномъ Уралѣ, сколько легендъ о не показывающемся человѣку золотѣ, сколько другихъ—о громадныхъ и богатыхъ найденныхъ тамъ, но потерянныхъ самородкахъ! Цѣлыя ночи свѣтлыя, короткія рассказываютъ, порой, про это „старатели“ и вѣрятъ всей своей душой и надѣются всей своей надеждой.

А сколько приключеній при этихъ розыскахъ золота у этихъ „старателей“, и всего и не расскажешь—про встрѣчи съ медвѣдями, бродягами, спасающимися и живущими въ пещерахъ людьми, про то, какъ блудятъ они, тощатъ отъ голода, прокар-

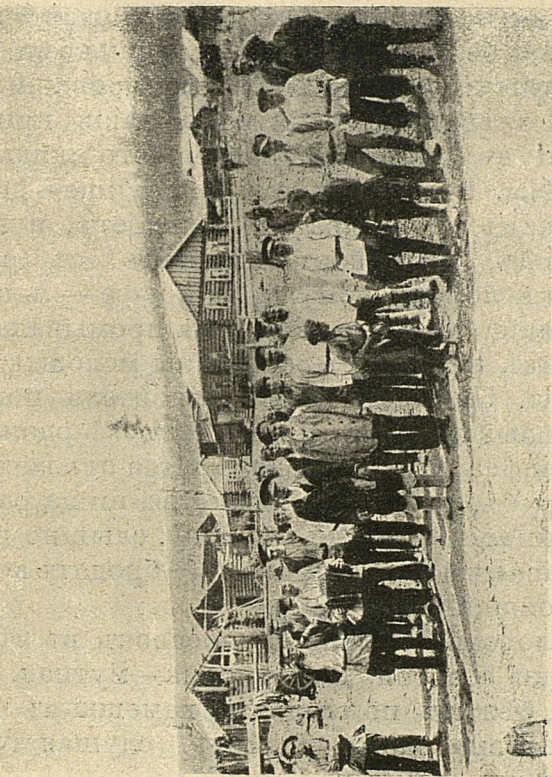
мливаясь порою только грибами и ягодами, про то, какъ даже погибають они, гдѣ-нибудь неожиданно захваченные горными потоками или страшнымъ звѣремъ. Жутко даже слушать рассказы ихъ; но золото гонить ихъ въ эти лѣса и горы высокія, и каждой весной они идутъ туда и не могутъ не идти, словно захваченные золотой лихорадкой.

Это — дѣйствительно, какъ-бы болѣзнь, захватывающая человѣка, только не болью, а—страстью къ наживѣ, къ вольной жизни въ горахъ, къ приключеніямъ, которыя и составляютъ всю прелесть для „старателей“ съ вѣрой въ свое счастье.

Случается, однако, что они дѣлають важныя открытія, ихъ имена гремятъ по всему Уралу между золотоискателями, про ихъ удалъ и счастье создаются легенды. Но это — рѣдкое явленіе; въ большинствѣ случаевъ конецъ ихъ дѣятельности — ревматизмъ, который гонитъ ихъ въ селеніе и усаживаетъ до самой смерти на теплой печкѣ. Но и тутъ они живутъ одними воспоминаніями, такъ съ ними, вѣроятно, и умирають.

Другое дѣло настоящіе золотые прииски на этихъ золотыхъ рѣчкахъ.

Къ самой рѣчкѣ, къ самому прииску уже не тропа протоптанная не то медвѣдемъ, не

Золотой пріискъ и его рабочіе.

то человѣкомъ, а—дорожка свѣжею просѣ-
кою; у самой рѣчки, хотя жалкія, времен-
ныя, устроенныя на короткое время, но
все же постройки,—казарма низкая бревен-
чатая безъ крыши, съ маленькими, ква-
дратными окнами, сарай для провизіи, изба
для хлѣбопека, баня и кое-какія пристро-
ечки въ видѣ уже настоящаго жилья че-
ловѣка. Въ отдѣльномъ—лучше—домикѣ
хозяинъ или управитель живетъ, и всюду
народъ, разговоръ слышенъ съ рѣчки,
звукъ лома и лопаты, а порою — и пѣсни
громкія, веселыя, когда на промывальномъ
станкѣ работаютъ женщины молодыя и дѣ-
вицы. Надъ зданіемъ управителя поднять
и колыхнется въ тихомъ воздухѣ разноцвѣ-
тный флагъ; дымъ поднимается отъ костровъ
и трубъ, гдѣ готовится пища работа-
ющимъ, и тутъ-же въ лѣсу, слышно по бо-
таласамъ и ширкунчикамъ,—бродятъ коровы
и лошади пріиска.

Словомъ, маленькій поселокъ въ лѣсу, у
рѣчки золотой, и она сама—мутная, весе-
лая, бѣжитъ по гладкимъ камешкамъ и что-
то словно разговариваетъ, слушая говоръ
и пѣсни человѣка.

Пройдешь по рѣчкѣ,—всюду видны гро-
мадныя, тяжелыя работы: рѣчка, русло ея
разнесено въ видѣ широкой въ десятокъ
саженъ глубокой канавы, вмѣсто береговъ

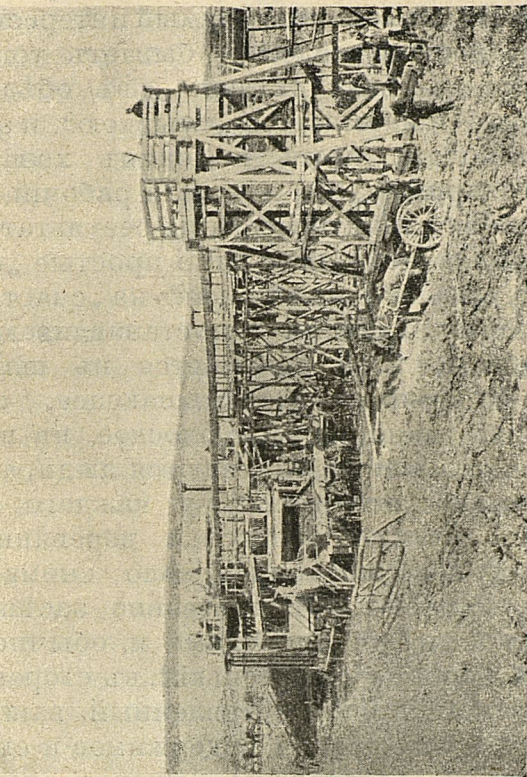
высятся высокіе отвалы пустой, безъ золота, земли, самая рѣчка отведена или бѣжить гдѣ-нибудь канавой, стороною и въ вершинѣ разрѣза этого съ золотоносною жилою кипить работа. У обрыва рѣчки чакаютъ кайла и ломы; то, что откалываютъ они отъ русла рѣчки, осушенной нынѣ отводами воды, отваливается глыба за глыбой, съ пескомъ и глиною, съ щебнемъ и камнями, порою, съ цѣлыми валунами, замытыми когда-то въ руслѣ. Все это подбирается торопливо желѣзными лопатами и бросается и нагружается на тачки. Эти тачки непрерывно откатываются рабочими по длиннымъ доскамъ на промывку, а тамъ, у прудка, подъ плотиною запруженной рѣчки, съ зеркальною поверхностью воды, только грохотъ стоитъ отъ лопатъ и камней, которые ударяются о желѣзную, дырчатую доску. Тамъ уже не вашгертъ маленькій, а цѣлая машина въ видѣ большого, длиннаго, промывальнаго станка, которая называется „американкою“, „бутарою“ или просто промывальною машиной.

Это уже не ручной трудъ, а цѣлая фабрика по добычѣ золота, и не долями, золотниками, а фунтами этого драгоцѣннаго металла.

На верхнюю часть промывальной машины валятся тачки и воза, порою даже вагон-

чики, золотого песка; все это, только-что вынутое изъ русла рѣчки, подхватывается быстрою, свѣжею струею, — глина, мелкій песокъ моментально смываются и уносятся далѣе, падая, какъ по ступенькамъ, на машинѣ; проворныя руки рабочихъ перекатываютъ камни, оставшіеся на дырчатой, желѣзной доскѣ, обмывая ихъ до такой степени, чтобы на нихъ не было слѣдовъ даже глины, а потомъ весь этотъ крупный галечникъ сваливается подъ отвалъ, откуда его отвозятъ въ сторону лошадьми на маленькихъ; короткихъ таратайкахъ. И все это промывается уже не сотнями пудовъ, а тысячами, перемывается буквально все ложе рѣчки, гдѣ она струилась когда-то, обмывая скалы эти каменные и отложила золото, какъ тяжелое, въ самый низъ, тѣмъ же порядкомъ, какъ эта машина.

Весь секретъ добычи золота именно основанъ на томъ, что нѣтъ тяжелѣе его въ этой почвѣ, благодаря чему все болѣе легкое сносится съ машины сильнымъ напоромъ воды, а все тяжелое, какъ золото, падаетъ внизъ и останавливается у такъ называемыхъ „порожковъ“ на машинахъ. Эти „порожки“ — ничто иное, какъ маленькіе бруски деревянные, сдѣланные такъ, чтобы они упирались въ самое дно вашгерта и загораживали на пути своемъ воду. За

Золотой приискъ на Уралѣ.

нихъ забирается все тяжелое, не поднятое, не унесенное сильною струею воды; оттуда уже легко его взять человѣку самымъ простымъ способомъ въ видѣ ведра или совочка. Этотъ моментъ,—самый интересный моментъ добычи золота,—бываетъ только разъ или два раза въ день — въ обѣдъ и вечеромъ,—и называется „смывкой“, и этой смывки золота ждетъ не одинъ хозяинъ золотого прииска, но и всякій рабочій, потому что всѣ заинтересованы результатами дня и всѣ, а не только одни простые „старатели“, смотрятъ на это, какъ на „счастье“.

Къ этому времени приостанавливаются всѣ работы, вода запирается въ шлюзѣ крѣпко-на-крѣпко; все мѣшающее, снимается съ машины; на плоское, въ видѣ лотка, дно машины спускаются люди, такъ называемые „штейгеры“, у каждого изъ нихъ въ рукахъ лопаточки деревянные, щетки и совочки; они умѣло снимаютъ бруски, смываютъ окончательно засѣвшее за ними золото съ породами и, обычно въ бадейкѣ уносятъ на маленькій, въ сторонкѣ, тутъ-же у машины поставленный, вашгертокъ, куда высыпаютъ содержимое и снова промываютъ, осторожно пуская тонкія струйки.

Скоро на гладкомъ деревянномъ днѣ вашгерта заблеститъ самородное золото,

потомъ появятся крупинки золотого песка среди чернаго желѣзнаго песка, который называется „шлихомъ“, и на гладкой доскѣ, обмываемой чистою струйкою, появляется кучка золота въ самой разнообразной формѣ, то въ видѣ зернышка круглаго, обкатаннаго, то въ видѣ пластиночки, то въ видѣ камешка крупнаго, то какъ бисеринки, но болѣе всего—мелкаго золота въ видѣ песка, которое поблескиваетъ среди чернаго желѣзнаго шлика.

Чтобы отдѣлить окончательно отъ посторонней примѣси золото, его или берутъ совочкомъ и затѣмъ отдѣляютъ при помощи магнитной дуги, какъ извѣстно притягивающей къ себѣ желѣзо, или пускаютъ туда струйку ртути, которая опять способна ловить и притягивать къ себѣ одно золото, не трогая другого какого металла.

Собранный комокъ этой ртутной массы выпаривается въ ковшичкѣ на спиртовой лампочкѣ, и уже, въ видѣ комочка золота, поступаетъ въ контору прииска. Тамъ живо все это свѣшивается самымъ старательнымъ, точнымъ образомъ и опускается въ особую, запечатанную печатью казенной, кружечку или записывается въ шнуровую книгу.

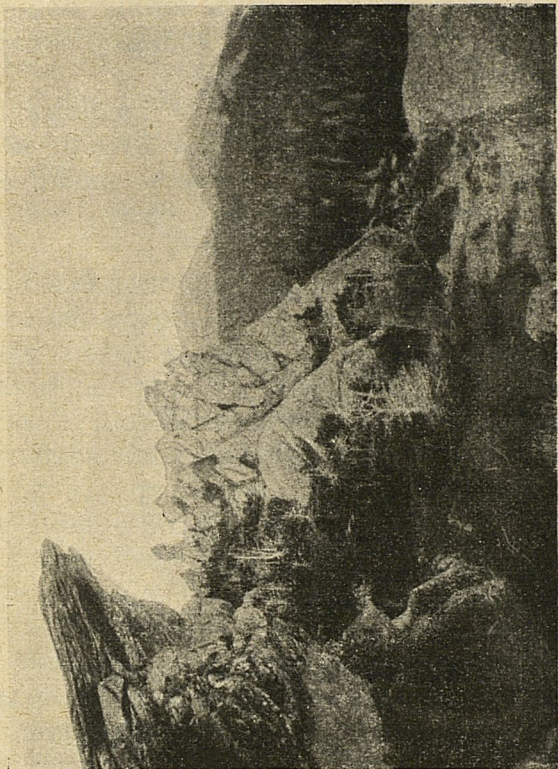
При этомъ незнакомаго съ золотопро-

мышленностью человѣка очень удивляетъ то, что за смѣну рабочихъ промывается на машинѣ тысячи пудовъ песка, а получаютъ какіе-нибудь жалкіе, казалось, золотники золота и даже доли золотника. Но это—обычное явленіе на розсыпяхъ золотыхъ рѣчекъ, гдѣ часто промываютъ такіе пески, которые содержатъ этого металла только всего 20—30 долей золотника въ 100 пудахъ песка, а такіе пески, которые содержатъ въ себѣ золотникъ въ 100 пудахъ, считаются очень и очень даже богатыми.

Благодаря этому ничтожному содержанию золота въ пескахъ — оно такъ дорого цѣнится, а потому, что его такъ мало въ землѣ, землю эту стараются промывать даже десятками тысячъ пудовъ ежедневно.

Но случается на Уралѣ и очень богатое содержаніе золота въ рѣчныхъ розсыпяхъ. Это уже большая рѣдкость, и такіе золотые прииски бываютъ только годами, и слава о нихъ держится на Уралѣ десятками лѣтъ, особенно среди золотопромышленниковъ.

Кромѣ того, бываетъ и, такъ называемое, „корчажное“ золото, когда оно намывается по рѣчкѣ золотоносной мѣстами, омутами. Такое золото часто сводить съ ума золотопромышленниковъ, которые вдругъ напа-

Виды Уральского хребта лѣтомъ.

даютъ на него, работаютъ до изнеможенія и затѣмъ принуждены бываютъ горько разочароваться, когда жила изсякнетъ. Тогда они бросаются съ работами туда и сюда, какъ бы потерявши слѣдъ жилы золотой, и часто спускаютъ все добытое золото, и окончательно разоряются.

Потому часто на Уралѣ сравниваютъ добычу золота съ карточной игрой, когда человѣкъ охватываетъ страсть какая-то и онъ не знаетъ, не сознаетъ самъ, что дѣлается нищимъ.

Вообще замѣчено, что на богатыхъ золотыхъ приискахъ золото обнаруживаетъ у человѣка самыя неприглядныя его стороны: человѣкъ, подъ вліяніемъ неожиданнаго, обрушившагося на него, кажется, неисчислимаго богатства, вдругъ измѣняется, теряетъ самообладаніе, золото кружитъ ему голову, онъ начинаетъ или пить, или разбрасывать деньги, дѣлается требовательнѣе и требовательнѣе, и часто доходитъ въ этомъ до смѣшного.

Особенно это обнаруживается рѣзко на простомъ народѣ, когда человѣкъ рѣшительно не знаетъ, какъ распорядиться и куда дѣться съ своимъ богатствомъ; онъ дѣлается какимъ-то царькомъ въ своемъ лѣсу и позволяетъ себѣ всевозможныя глупости и выходки.

Мнѣ приходилось видать людей, которые, задѣвши при проѣздѣ за уголъ дома деревенскаго, выбрасывали сотни рублей, требуя, чтобы онъ былъ снесенъ и построенъ на другомъ мѣстѣ, когда они спаивали всю деревню поголовно, наслаждаясь этимъ дикимъ зрѣлищемъ, заводили у себя на приискахъ медвѣдей и разгуливали съ ними по селеніямъ, пугая женщинъ и дѣтей, и пр., что сходило имъ, только благодаря золоту, которое они разбрасывали, исполняя свои прихоти и причуды.

Мнѣ приходилось видать богатое содержаніе золота въ пескахъ, путешествуя по Уралу.

Это было на р. Ивдель, въ самой сѣверной части Пермской губ. на восточномъ склонѣ Уральскаго хребта.

Тамъ масса золотыхъ рѣчекъ, и все время, первоначально, добывалось золото только по этимъ рѣчкамъ маленькимъ, впадающимъ въ эту рѣку. Какъ вдругъ, однажды, случайно, было обнаружено богатѣйшее содержаніе золота въ самомъ руслѣ этой рѣки даже у самаго селенія Ивдельскаго, гдѣ жили золотопромышленники этого золотоснаго края. Но долгое время рѣшительно

не знали, что дѣлать съ этой рѣкой, которая имѣла до 20 саж. ширины и такое быстрое теченіе, что съ нимъ совершенно было невозможно, казалось, приступить къ работамъ. Въ лѣтнее время эта рѣка часто выходила изъ береговъ, даже не позволяя добывать золота на ея берегахъ, которые состояли большею частію еще изъ громадныхъ известковыхъ скалъ, возвышающихся надъ рѣкою.

Помогъ золотопромышленникамъ въ этомъ отношеніи холодъ: они стали сначала вымораживать эту рѣку мѣстами по ложу. Это дѣлается очень просто: при первыхъ-же зимнихъ морозахъ, выдалбливается на избранномъ мѣстѣ рѣки ледъ, но только съ такимъ расчетомъ, чтобы не коснуться воды на какой-нибудь палецъ. Ночью ледъ промерзаетъ глубже въ этомъ обнаженномъ пространствѣ днемъ снова скалывается то, что намерзло за сутки времени, такимъ образомъ продолжается эта выморозка холодомъ до того времени, когда не обнажится самое глубокое русло рѣки, и передъ рабочимъ, начавшимъ съ поверхности ея, не будетъ самое дно рѣки, которое уже добывается самымъ обыкновеннымъ приисковымъ образомъ и слѣдуетъ на промывку.

Скалы и вершины горъ Урала.

Въ настоящее время кустарный промыселъ, съ какимъ я познакомилъ читателя, уже замѣняется на Уралѣ крупными заводскими работами, которыя мало напоминаютъ то, что было ранѣе—при добычѣ золота руками человѣка.

Золотыя рѣчки все болѣе и болѣе захватываются крупными компаніями; богатые люди скупаютъ золотоносныя площади сотнями квадратныхъ верстъ и тысячами десятинъ; вмѣсто ручного дорогого труда къ нимъ приступаютъ съ машинами; на устьяхъ рѣкъ. ставятся, такъ называемыя, драги; эти драги по рельсамъ двигаются вверхъ по теченію, выбирая желѣзными ковшами непрерывно землю, и золотоносный песокъ подается ими на промывальныя станки; устроенныя часто тутъ-же.

Эти машины буквально выскребаютъ весь золотоносный пластъ, золотая рѣчка вынимается на версты разстоянія въ одно лѣто и все содержимое ея золото берется человѣкомъ сразу паровою силою.

На такихъ пріискахъ можно видѣть эти землечерпалки, словно врытыя въ нѣдра этихъ рѣчекъ до самаго ихъ дна, по которому онѣ текли первоначально. Это уже цѣлая фабрика, часто съ такими сложными машинами, что трудно незнакому человеку разобрать, въ чемъ дѣло.

На такихъ пріискахъ золото добывается фунтами ежедневно.

На такихъ пріискахъ примѣняются и самыя разнообразныя дорогія машины для полученія золота.

Но всѣ эти работы,—по извлеченію золота изъ породъ его содержащихъ, — еще рѣдкость на Уралѣ и доступны только богатымъ компаніямъ, которыя большею частію основываются для этого за-границей.

Весь интересъ добычи золота все еще сосредоточивается на розсыпяхъ, какими богаты рѣчки Урала, на нихъ часто еще находятъ богатое самородное золото и рѣчки эти ежегодно все болѣе и болѣе открываются и нынѣ такія золотыя рѣчки извѣстны чуть не по всему уже протяженію Уральскаго хребта. Особенно нынѣ славятся міасскіе золотые пріиски, на которыхъ кромѣ розсыпнаго золота есть рудное, и встрѣчаются рѣдкіе самородки.

Самый крупный изъ всѣхъ самородковъ, добытыхъ уже за цѣлое столѣтіе нынѣ на Уралѣ, тоже съ р. Міаса, съ Царево-Александровскаго пріиска, гдѣ онъ найденъ рабочимъ однимъ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія. Этотъ самородокъ сохраняется въ петроградскомъ горномъ музеѣ и вѣситъ 2 пуда 8 фунтовъ.

Слѣпки этого знаменитаго уральскаго са-

мородка есть во многихъ музеяхъ, какъ и другіе слѣпки съ уральскихъ самородковъ, но уже меньшаго вѣса и стоимости. Цѣнность такого самородка около 50,000 руб. Это—чистый слитокъ золота, неправильнаго вида, матово-золотистаго цвѣта, размѣромъ, съ голову собаки.

Интересны также самородки, еще заключенные въ горной породѣ и видимые оттуда только частію. Это—обычно большіе куски бѣлаго кварца, гдѣ въ изломѣ его вы видите блестящее золото въ видѣ вкраплинъ, самородковъ, жилочекъ, капелекъ такъ, какъ оно вылилось сюда и застыло. Это и есть его родина, постель, откуда оно выкрашивается вѣками въ горныя рѣчки чтобы потомъ его смылъ потокъ горный далѣе и отложилъ гдѣ-нибудь въ и пескѣ глинѣ.

Интересно то, что этотъ благородный металлъ всегда сопровождаютъ благородные камни: топазы, хризолиты, аметисты цѣлыми глыбами, изумруды, аквамарины и даже изрѣдка самый алмазъ, хотя онъ очень рѣдокъ на Уралѣ.

Эти камни самоцвѣтные тоже вымываются вмѣстѣ съ золотомъ, но только на гро-

хотахъ машинъ, гдѣ ихъ снимаютъ рабочіе руками, замѣтивъ ихъ среди многочисленныхъ другихъ камней по блеску и виду.

Это самоцвѣты мѣстами попадаютъ очень часто, и изъ нихъ, вмѣстѣ съ золотомъ, дѣлаются на Уралѣ особыми гранильными мастерскими всевозможныя украшенія. Это уже роскошь уральскихъ золотыхъ рѣчекъ, ограненная умѣлой рукой, обдѣланная блестящимъ золотомъ.

Кромѣ этихъ самоцвѣтовъ Урала, попутно, вмѣстѣ съ золотомъ, тамъ добывается еще платина,—еще болѣе цѣнный металлъ, чѣмъ само золото, по своей рѣдкости и по своимъ качествамъ, незамѣнимымъ особенно для электричества.

Та самая тонкая, какъ паутинка, проволока, которая нагрѣвается въ электрическихъ лампочкахъ, токомъ электричества и есть этотъ металлъ. Еще недавно, ровно не имѣющій почти никакого употребленія и малоцѣнный, онъ обычно употреблялся или на монету или на механизмъ карманныхъ часовъ; но нынѣ онъ исключительно только идетъ для электрическаго примѣненія, такъ какъ его крайне недостаточно въ природѣ.

На всемъ земномъ шарѣ платина добывается почти только на Уралѣ, гдѣ ея добывается ежегодно 95 сотыхъ, тогда какъ

все остальное количество, 5 сотыхъ, добывается въ другихъ странахъ въ самомъ ограниченномъ числѣ, такъ, что этотъ металлъ можно вполнѣ назвать русскимъ металломъ.

Но и на Уральскомъ хребтѣ платина добывается только мѣстами, хотя есть, рядомъ съ золотыми приисками, чисто платиновые, т.-е. гдѣ болѣе добывается въ количественномъ отношеніи этого металла, чѣмъ золота.

Платина добывается такимъ-же образомъ, какъ золото, хотя ради добычи ея есть особыя машины, мало, впрочемъ, отличающіяся отъ машинъ, добывающихъ золотые пески.

Стоимость золота вѣсомъ въ золотникъ опредѣляется на Уралѣ приблизительно въ 5 рублей золотникъ, платина же цѣнится порою въ два раза и даже дороже.

Открыта платина на Уралѣ была случайно: развѣдывали золотосодержащіе пески и наткнулись на платиновые розсыпи. Это было въ 1819 году. Но несмотря на столѣтіе, почти со времени ея открытія, она сначала какъ малоцѣнная, долго не добывалась въ большомъ количествѣ, и ее избѣгали добывать изъ земли, и ея энергичная добыча только наступила всего 30-40 лѣтъ тому назадъ, когда она потребовалась для электричества.

Всей платины тоже въ видѣ песка, мелкихъ кристалликовъ и небольшихъ самородочковъ, добывается на Уральскомъ хребтѣ ежегодно до 350 пудовъ. Всего золота на Уралѣ добывается ежегодно до 800 пудовъ.

*
* *
*

Все добываемое обычно сдается въ г. Екатеринбургъ въ золотосплавочную лабораторію, гдѣ оно свѣшивается, затѣмъ расплавляется и отливается въ слитки.

Это одна изъ самыхъ драгоцѣнныхъ фабрикъ на свѣтѣ, куда свозится весь этотъ драгоцѣнный металлъ золотопромышленниками, сдается въ казну и поступаетъ на рынки, уже не въ сыромъ видѣ, какъ мы его описывали; а въ сплавленномъ.

Для сплавки его имѣются особыя плавильныя печи; въ эти печи оно ставится въ огнеупорныхъ тигляхъ, въ видѣ глиняныхъ или каменныхъ большихъ горшечковъ, эти горшки нагрѣваются коксомъ до бѣлаго каленія, благодаря чему золото, въ нихъ заключенное, расплавливается, какъ обыкновенный металлъ и затѣмъ выливается въ формы.

Послѣ отливки получаютъ самыя разно-

образныя по вѣсу плиточки, на которыхъ ставится казенный штемпель, означающій не только, что это золото сплавлено въ казенной лабораторіи, но и имѣетъ химическую пробу, т. е., гдѣ точно опредѣлена стоимость этого сплавленнаго золота, неодинаковаго по цѣнности на каждомъ приискѣ, благодаря примѣси другихъ металловъ и минераловъ.

Отсюда уже золото въ видѣ слитковъ поступаетъ на рынокъ и идетъ на всевозможныя издѣлія.

Ранѣе, въ прошломъ столѣтіи, золото сдавалось и переливалось только въ Петроградѣ, гдѣ оно сплавлялось въ монетномъ дворѣ.

Въ то время не существовало еще желѣзныхъ дорогъ въ Сибири и на Уралѣ и, чтобы переслать такой дорогой металлъ, стоющій милліоны рублей, обычно его перевозили казеннымъ образомъ, и такіе поѣзда назывались въ народѣ золотухами.

Я еще помню на своемъ вѣку эти „золотухи“, когда онѣ проносились зимой по мирнымъ селеніямъ, собирая, какъ на рѣдкое зрѣлище, народъ на улицы массой.

Еще дня за два до пробѣга „золотухи“ прїѣзжалъ въ селеніе нарочный, который сбивалъ крестьянъ, чтобы они выставили нужное количество лошадей и при этомъ самыхъ ретивыхъ. Обычно это было передъ самымъ Рождествомъ, по санной уже дорогѣ.

На улицѣ села длинной вереницей располагались крестьяне съ лошадьми, уже облеченными въ упряжь; на морозѣ лошади пофыркивали, ржали, били копытами отъ нетерпѣнія, что же касается ямщиковъ, то они грѣлись у костровъ, прямо разложенныхъ среди улицы чуть не на версту разстоянія, чтобы не замерзнуть. Вся улица по-этому представляла что-то необыкновенное, и тутъ, обыкновенно къ моменту прибытія золотого поѣзда собирался народъ. Наконецъ, прїѣзжалъ еще гонецъ за гонцемъ, сообщая, что поѣздъ приближается; скоро показывалась снѣжная туча по дорогѣ; затѣмъ раздавались бѣшеные крики ямщиковъ этого, быстро-быстро, вскачь несущагося поѣзда, и въ ряды костровъ, среди публики, разступавшейся въ ужасѣ отъ этого нашествія криковъ, уханья, снѣжной пыли и пара отъ вспотѣвшихъ лошадей, мгновенно врывались подводы за подводами съ стоящими и размахивающими кнутами ямщиками, съ стоящими въ теплыхъ шубахъ за на ними

дровняхъ солдатами, съ группами какихъ-то чиновъ и проѣзжающихъ, закутанныхъ въ теплые тулупы, занесенныхъ снѣжной пылью, и съ маленькими деревянными, привинченными и прикованными на саняхъ ящичками, гдѣ стояло, занимая мало мѣста, золото.

Соскакивали съ санокъ живо, съ обледе-нѣлыми усами и бородами, солдаты и ямщи-ки, поднимались проѣзжающіе чиновники, и бѣжали грѣться у костровъ, а ямщики бросались быстро къ лошадямъ, выводили ихъ изъ оглобель самымъ энергичнымъ образомъ и снова уже впрягали новыхъ лошадей, которыя, вставая на дыбы отъ этого ужаса, бросались далѣе, унося уже черезъ минуту эту „золотуху“.

Одна минута, не болѣе, для остановки на станціи; но ради этой минуты сбѣгалась обычно вся деревня, и еще долго послѣ того говорила объ этомъ событіи, считая по пальцамъ сколько ящичковъ было провезено золота, и какъ богата Россія.

Да, она богата драгоцѣнными металлами, и золото—ея первое богатство на Уралѣ.

А сколько его, этого золота, еще въ горахъ этого обширнаго Урала, сколько его таится тамъ по золотымъ рѣчкамъ и ручьямъ, сколько оно еще обѣщаетъ въ будущемъ русскому человѣку въ видѣ заработка и

наживы, сколько оно еще сулитъ самой Россіи силы и могущества, чтобы быть первой страной на свѣтѣ! Таковы золотыя рѣчки Урала. Таковы наши богатства національныя, среди которыхъ Уральскій хребетъ считается однимъ изъ первыхъ въ Россіи.

Недаромъ онъ въ народѣ считается „золотымъ краешкомъ“.

Безплатное приложеніе къ журналу
„ПРОТАЛИНКА“.

2007084136